

Много лет назад

(отрывок из книги «Трое на четырех колесах»)

ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ

Юмористическая повесть Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» хорошо известна и любима в нашей стране. Думаем, нет смысла пересказывать сюжет. Но мало кто знает, что приключения Джорджа, Гарриса и Джея продолжают в повести «Трое на четырех колесах». Отрывок из нее, как нам кажется, будет интересен нашим читателям.

Редакция

Много лет назад, когда я был еще молод и неопытен, мне довелось узнать, чего стоит «плавание» на наемной яхте со шкипером. Три обстоятельства вовлекли меня в эту глупость: во-первых, я по случаю хорошо заработал; во-вторых, Этельберте ужасно захотелось подышать морским воздухом, и в-третьих, мне попалось на глаза заманчивое объявление в газете «Спортсмен»: «Любитель морского спорта. — Редкий случай! “Бestia”, 28-тонный иол. Владелец судна из-за внезапного отъезда согласен отдать свою “борзую моря” внаем на какой угодно срок. Две каюты и кают-компания; пианино Воффенкопфа; вся медь на судне новая. Условия: 10 гиней в неделю. Обращаться к Пертви и К°, Бокльсберри».

Это объявление волшебным образом обращало въявь

мои тайные мечты. «Новая медь» меня не интересовала: нас устроила бы и старая, даже без чистки, но «пианино Воффенкопфа» меня покорило!.. Я представил себе Этельберту, наигрывающую в вечерний час мелодичную песню с припевом, который стройно подхватят голоса команды... А наша «борзая моря» несется легкими скачками по серебристым волнам...

Я взял кэб и немедленно разыскал третий номер по Бокльсберри. Мистер Пертви оказался ничуть не гордым джентльменом; я нашел его в конторе довольно скромного вида в третьем этаже. Он продемонстрировал мне изображающую яхту акварель: «Бestia» шла крутым галсом, палуба была наклонена к воде почти под прямым углом; на ней не было ни души — все, очевидно, сползло в море. Я обратил

внимание хозяина яхты на такое неудобство положения судна, при котором пассажирам только и оставалось, что прибивать себя к палубе гвоздями; но он отвечал, что «Бестия» изображена в ту минуту, когда она «огибала» какое-то опасное место на гонках, на которых взяла приз. Об этом мистер Пертви поведал таким тоном, словно это событие известно всему миру; поэтому мне не захотелось расспрашивать о подробностях. Два черных пятнышка на полотне возле рамы, которые я принял сначала за мошек, оказались яхтами, пришедшими вслед за «Бестией» в день знаменитой гонки. Фотографический снимок того же судна, стоящего на якоре в Гревсенде, производил меньшее впечатление, но так как все ответы на мои вопросы удовлетворили меня, то я сказал, что нанимаю яхту на две недели. Мистер Пертви нашел такой срок очень подходящим: если бы я захотел заключить договор на три недели, то ему пришлось бы мне отказать, но двухнедельный срок замечательно удачно совпадал со временем, которое было уже обещано после меня другому любителю спорта.

Затем мистер Пертви осведомился, есть ли у меня на примете хороший шкипер, и когда я сказал, что нет, то это тоже оказалось замечательно удачным (судьбе, видимо, захотелось побаловать меня): у мистера Пертви еще не был отпущен прежний шкипер яхты, мистер Гойльс, — шкипер, который еще никого не утопил и знает море как свои пять пальцев.

«Бестия» стояла в Гарвиче, и, пользуясь свободным утром, я решил съездить и осмотреть ее сейчас же. Я еще успел к поезду в 10 ч 45 мин. и около часу был на месте.

Мистер Гойльс встретил меня на палубе. Это был добродушный толстяк весьма почтенного вида. Я объяснил ему мое намерение обогнуть Голландские острова и затем подняться к северу к берегам Норвегии.

— Вот-вот, сэр! — отвечал толстяк с видимым одобрением и даже восторгом.

Он увлекся еще больше, когда начали обсуждать вопрос о съестных припасах, и потребовал такое количество провианта, что я был поражен: если бы мы жили во времена адмирала Дрейка или испанского владычества на морях, я подумал бы, что мистер Гойльс собирается в дальний и, пожалуй, пиратский рейд.

Однако он добродушно засмеялся и уверил меня, что ничего лишнего мы не возьмем: если что-нибудь останется, то матросы поделятся и возьмут с собой по домам. Так уж повелось на этой яхте. Когда количе-

ство съестных припасов было определено и очередь дошла до крепких напитков, то я понял, что мне их придется заготовить на целую зиму, но смолчал, чтобы не показаться скупым. Только когда мистер Гойльс с большой заботливостью осведомился, сколько бутылок будет взято собственно для матросов, то я скромно заметил, что не намеревался устраивать никаких оргий.

— Оргий! — повторил мистер Гойльс. — Да они выпьют эти жалкие капли с чаем. Надо нанимать толковых людей и обращаться с ними хорошо, тогда они будут отлично работать и являться по первому вашему зову.

Я не чувствовал желания, чтобы они являлись по первому моему зову; у меня в сердце зародилась антипатия к этим матросам, прежде чем я их увидел. Но мистер Гойльс был очень напорист, а я — очень неопытен и подчинился ему во всем. Он обещал, что «не будет шляпой и справится со всем сам, с помощью всего лишь двух матросов и одного юнга». Не знаю, к чему последнее относилось: к провианту или к управлению яхтой.

По дороге домой я зашел к портному и заказал себе подходящий костюм с белой шляпой; портной обещал поспешить и приготовить его вовремя. Когда я, вернувшись, рассказал все Этельберте, она пришла в восторг и тревожилась только об одном — успеет ли сшить платье себе. Это было так по-женски!

Наш медовый месяц кончился совсем недавно — и кончился благодаря случайным обстоятельствам, раньше, чем мы этого желали; поэтому теперь нам захотелось вознаградить себя, и мы решили не приглашать с собой ни души знакомых. И слава богу, что так решили. В понедельник костюмы были готовы, и мы отправились в Гарвич. Не помню, какой костюм приготовила себе Этельберта; мой был весь обшит узенькими белыми тесемочками и выглядел очень экстравагантно.

Мистер Гойльс радушно встретил нас на палубе и сообщил, что завтрак готов. Надо отдать ему должное: поварские способности у него были отменные. О способностях остального экипажа мне судить не пришлось, одно могу сказать — ребята были не промах.

Я думал, что как только команда отобедает, мы подыдем якорь и выйдем в море. Я закурю сигару и вместе с Этельбертой буду следить, облокотившись на поручень, за мягко тающими на горизонте белыми скалами родного берега. Мы исполнили свою часть программы, но на совершенно пустой палубе.

— Они, кажется, не спешат отобедать, — заметила Этельберта.

— Если они в две недели собираются съесть хотя бы половину запасов, то нам их нельзя торопить — не поспеют, — отвечал я.

Прошло еще какое-то время.

— Они, вероятно, все заснули! — заметила опять Этельберта. — Ведь скоро пять часов, пора чай пить.

Тишина действительно стояла полная. Я подошел к трапу и окликнул мистера Гойльса. Мне пришлось кликнуть три раза, и только тогда он явился на зов. Почему-то он казался более старым и рыхлым, чем прежде; во рту у него была потухшая сигара.

— Когда вы будете готовы, капитан, мы тронемся, — сказал я.

— Сегодня мы не тронемся, с вашего позволения, сэр.

— А что такое сегодня? Плохой день?

Моряки — народ суеверный, и я подумал, что нынешний денек мистеру Гойльсу чем-нибудь не понравился.

— Нет, день ничего, только ветер, кажется, не хочет меняться.

— А разве ему нужно меняться? Как будто он дует прямо в море.

— Вот-вот, сэр! Именно: он бы и нас отправил прямо в море, если бы мы снялись с якоря. Видите ли, сэр, — прибавил он в ответ на мой удивленный взгляд, — это ветер береговой.

Ветер был действительно береговой.

— Может быть, за ночь переменится! — И, ободрительно кивнув головой, мистер Гойльс разжег потухшую сигару. — Тогда тронемся: «Бестия» — хорошее судно.

Я вернулся к Этельберте и рассказал о причине задержки. Она была уже не в том милом настроении, как утром, и пожелала узнать, почему нельзя поднять паруса при береговом ветре.

— Если бы ветер был с моря, то нас выбросило бы обратно

на берег, — заметила она. — Кажется, теперь самый подходящий ветер.

— Да, тебе так кажется, дорогая моя, но береговой ветер всегда очень опасен.

Этельберта пожелала узнать, почему береговой ветер всегда очень опасен. Ее настойчивость огорчила меня.

— Я этого не сумею объяснить, но идти в море при таком ветре было бы ужасным риском, а я тебя слишком люблю, моя радость, чтобы рисковать твоей или своей собственной жизнью.

Я думал, что очень мило все объяснил, но Этельберта, посетовав на то, что уехала из Лондона днем раньше, скрылась в каюте.

Мне стало почему-то досадно. Легкое покачивание яхты, стоящей на якоре, может испортить самое блестящее настроение.

Утром я был на ногах чуть свет. Ветер дул прямо с севера. Я сейчас же отыскал шкипера и сообщил ему о своем наблюдении.

— Да, да, сэр. Очень печально, но мы этого изменить не можем.

— Как? Нам и сегодня нельзя тронуться с места!

— Видите ли, сэр, если бы вы хотели идти в Инсвич, — хоть сейчас! Сколько угодно! Но наша цель — Голландские острова, вот и приходится сидеть.

Я передал эти новости Этельберте, и мы решили провести весь день в городе. Гарвич — место вообще не веселое, а уж к вечеру и вовсе скучное. Побродив по ресторанам, мы вернулись на набережную. Шкипера на месте не было. Вернулся он через час изрядно навеселе, во всяком случае он был куда веселее нас: если бы я не слышал от него лично, что он пьет ежедневно только один стакан грогу перед сном, то принял бы его за пьяного. На следующее утро ветер задул с юга. Шкипер встревожился, говоря, что если это будет продолжаться, то нам нельзя ни двигаться, ни стоять на месте. У Этельберты стало возникать чувство острой неприязни к яхте, и она объявила, что предпочла бы провести неделю, принимая морские ванны в безопасной купальне. Два дня прошли в большом беспокойстве. Спали мы на берегу в гостинице. В пятницу ветер зашел с востока. Я встретил шкипера на набережной и сообщил ему радостную весть. Он даже рассердился:

— Что вы, сэр! Если бы вы больше понимали, то видели бы, что ветер дует прямо с моря!

Тогда я спросил серьезно:

— Скажите, пожалуйста, что я нанял? Плавающий сарай или яхту? Что это такое?

— Это — иол, — отвечал он, несколько озадаченный.

— Дело в том, — продолжал я, — что если это плавающая дача, то мы купим плоша, побольше цветов и постараемся обустроить жилище поуютнее. Если же эту штуку возможно двинуть с места...

— Двинуть с места! Да нам нужен только попутный ветер.

— А что вы называете попутным ветром?

Шкипер молчал.

— За эту неделю ветер был с запада, с севера, с юга и востока. Если вы мне укажете еще на какую-нибудь часть света, откуда мы должны ждать попутного ветра, то я буду ждать. Но если у вас компас обыкновенный и если наш якорь еще не прирос к морскому дну, то мы его сегодня подыдем!

Он понял, что меня не унять.

— Хорошо, сэр, — ответил он. — Вы хозяин, а я — работник. Теперь у меня остался на попечении только один ребенок, и, в случае чего, ваши душеприказчики, конечно, окажут помощь моей вдове.

Его серьезность поразила меня.

— Мистер Гойльс, — сказал я, — будьте со мной откровенны: бывает ли на свете такая погода, при которой мы могли бы вылезти из этой противной ямы?

— Видите ли, сэр, если бы мы очутились в море, все пошло бы как по маслу,

но дело в том, что выйти из гавани на этой скорлупе — дело нешуточное.

Разговор окончился трогательным обещанием шкипера «следить за погодой, как мать за спящим младенцем». В следующий раз я увидел его в полдень: он следил за погодой из окна «Цепи и якоря».

В пять часов того же дня счастье мне слегка улыбнулось: я встретил на улице двух товарищей, которые остановились на время в Гарвиче, так как на их яхте поломался руль. Наша история не удивила, а рассмешила их: мы забежали за Этельбертой в гостиницу и вчетвером прокрались на наше судно. Мистер Гойльс все еще следил за погодой из окна ближайшего кабака. Застав на месте только юнгу, мы были очень довольны; товарищи взяли на себя управление яхтой, и через час мы уже весело неслись вдоль берега. На ночь остановились в Альдборо, а на следующий день добрались до Ярмута. Здесь надо было расстаться с товарищами и закончить «плавание». Все запасы мы распродали на берегу с аукциона; это было не особенно выгодно, но зато капитану Гойльсу ничего не досталось.

Я оставил «Бестию» на попечение местного моряка, который за пару соверенов взялся перегнуть его обратно. Мы вернулись в Лондон по железной дороге. ▲

